

Е. Ф. Молевич

ГЕНДЕРНЫЕ СДВИГИ В СОВРЕМЕННЫХ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: СМЕНА ПАРАДИГМЫ

Становление во всех развитых странах в последней трети XX века новых, в основе своей равноправных, социальных отношений между полами («гендерная революция») обусловило рождение и качественно новых ситуаций во всей системе отношений брака и семьи. И в основании этих перемен — кардинальные сдвиги в ролестатусных позициях обоих полов как структурообразующих начал институтов брака и семьи.

В чем же суть этих сдвигов? Или, другими словами, какими конкретно социально-половыми (гендерными) личностями представлен современный брачный рынок развитых стран?

Наиболее глубоки и существенны перемены в социальных ролях женщины. Еще полвека назад женщина с хорошим образованием за пределами СССР была абсолютным исключением, сегодня же уровень и качество образования среднетипичной женщины трудоспособного возраста либо неотличимы от соответствующих образовательных показателей мужчин, либо даже несколько превосходят их, например в странах Северной Европы. Соответственно, принципиально изменилось само профессиональное лицо современной женщины. Если еще в 60-х годах прошлого века с трудом невысокой квалификации, например в США, были связаны 80% работавших женщин (а их доля среди инженеров составляла в тех же США 0,7%, а в Великобритании 0,1%), то на рубеже веков от 40–45% (Великобритания, Германия) до 60–65% (страны Скандинавии, Канада) женщин в массе своей обрели статус специалистов, т. е. были заняты квалифицированным трудом. Отсюда — еще одно принципиально новое социальное качество: материальная и социальная самодостаточность современной среднетипичной женщины. Абсолютизировать ее масштабы пока что не надо: статистика повсеместно фиксирует по общему правилу более низкий уровень жизни в неполных материнских семьях. Но почва под ногами, обеспечивающая известную самостоятельность в жизни, безусловно, появилась. С учетом сказанного выглядят вполне естественными, хорошо социально детерминированными, и глубокие перемены в самой системе жизненных ориентиров современной женщины: на первый план все очевиднее выходят ценности личностной самореализации, индивидуальной успешности, социальной престижности, тогда как традиционные установки на семью и детей как главные смыслы жизни женщины постепенно, но быстро уходят на второй план и все более архаизируются. Ко всему сказанному необходимо добавить и такие новые характеристики сегодняшней бракоспособной женщины, как наличие у нее, как правило, серьезного сексуального¹, а в массе случаев — и брачного² опыта, а также резко заявившую о себе вместе с ростом средней продолжительности жизни разновозрастность представленных в брачном общении женщин. Наглядным свидетельством последнего может служить любая газетная полоса с брачными объявлениями.

Вполне серьезными выглядят перемены и в ролестатусных характеристиках другого пола — мужчин. Главная из них: ставшая уже вполне

очевидной вместе с эгалитаризацией межполовых взаимоотношений утрата современным мужчиной былой социальной приоритетности на брачном рынке, в частности, былой монополии на брачный выбор. Из традиционного безусловного субъекта этого выбора мужчина трансформируется в одного из многих партнеров по брачному рынку, где «мы выбираем, нас выбирают...» — таков масштаб этого социального сдвига. Другая культурная трансформация такой же глубины пока что только начинает осознаваться исследовательской мыслью. В ее основе — растущая инфантилизация (в другой терминологии — «кризис мужской идентичности»³) молодых и не очень молодых мужчин, наблюдаемое снижение их «самости» — самостоятельности в образе жизни, самообеспечиваемости, самоответственности и инициативности в поведении и т. д. Американские социологи в этой связи не без недоумения констатируют любопытный факт последних 10–15 лет: растущую тенденцию у совершеннолетних мужчин-американцев не только оставаться под родительским кровом, но и более того — возвращаться под этот кров с течением времени.

Итоги взаимодействия столь изменившихся социально полов в целом двояки. С одной стороны, они предопределили тенденцию к все большему дистанцированию обоих полов от каких-либо официальных брачно-семейных зависимостей. Об этом убедительно свидетельствует очень многое: стабильное снижение числа заключаемых браков⁴, повсеместно растущий в последние годы средний возраст вступления в первый брак⁵, в полном смысле слова взрывные темпы роста внебрачной рождаемости (в конце 90-х годов ее удельный вес у нас и в США составлял около 30% от показателя общей рождаемости, в Великобритании и Франции — около 40%, а в странах Северной Европы — 50% и выше); все более массовая разводимость: сейчас распадается примерно каждая вторая брачная пара, причем устойчивый приоритет в инициировании этого распада — в 60–80% случаев — за женщинами⁶, растущая популярность нефиксированных «свободных» браков, причем не только в молодежной, но и в более взрослой среде⁷. Двойственная ситуация, складывающаяся на основе таких браков-сожительства, отчетливо заявляет о себе в ходе переписей населения, постоянно фиксирующих превышение числа замужних женщин над числом женатых мужчин (по переписи населения СССР 1989 года — почти на три миллиона!). «Бум» нефиксированных браков вынудил законодателей ряда стран попытаться как-то упорядочить подобные отношения, введя в этих целях узаконенные институты «зарегистрированного партнерства» (Нидерланды), «совместного проживания» (Швеция), «признания отцовства» (Россия) и т. д. Однако наблюдаемый во многих странах, в том числе и в России, быстрый рост популярности «визитной» формы даже фиксируемых браков говорит об очень глубинных и масштабных корнях сегодняшнего брачного дистанцирования полов.

С другой стороны, отмеченные фундаментальные сдвиги в социальном положении полов необходимо предопределили становление на рубеже веков нового гендерного качества самих брачно-семейных отношений. Причем сразу в двух аспектах:

Во-первых, в плане глубочайших преобразований самих базисных устоев институтов брака и семьи. На смену привычному патриархальному браку с безусловной ведущей ролью мужа приходит все более выраженная эгалитарная форма брака с все более очевидным и реальным равноправием супругов. Это находит свое отражение и в факте обязательного взаимосогласия в брачном

выборе, и в растущей унифицированности бытосемейных половых ролей, в оboюдности вклада в материальную обеспеченность семьи и, как общее следствие и итог — в отмирающем на наших глазах традиционном мужском статусе «главы семьи». В полном соответствии с изменившимся культурно-образовательным потенциалом полов все большую роль в формировании брака и в его последующем функционировании и устойчивости начинают играть факторы психологического порядка: культурной идентичности, взаимного интереса («поговорить»), духовной и — подчеркнем особо — сексуальной гармонии. Но именно эта растущая значимость психологического во все большем числе случаев становится одной из главных причин нарастания с ходом времени взаимной неудовлетворенности и недовольства супругов, что в условиях выросшей материальной независимости женщин нередко имеет своим последствием прекращение брака. Но, как это ни противоречит нашему здравому смыслу, обвалью растущая во всех развитых странах разводимость нигде не сопровождается столь же обвальным снижением и компрометацией статуса самих институтов брака и семьи. Напротив, на наших глазах повсеместно рождается новая массовая и типичная форма моногамного брака — «серийная моногамия»: последовательная цепочка — «серия» — повременных браков, фиксируемых и не фиксируемых официально. В новой форме моногамии концентрированно отразились все базисные перемены в нашей сегодняшней жизни: и растущая материальная независимость брачных партнеров, и их принципиально иной культурный багаж, и вдвое выросшая средняя продолжительность жизни, и снижение репродуктивных ориентаций супругов при существенно выросших духовных и сексуальных требованиях друг к другу и т.д. Но при таком подходе к браку как к явлению повременному и повторяющемуся особое значение приобретают характеристики, во-первых, среднетипичной продолжительности конкретных браков — применительно к Западной и Северной Европе она сегодня равна примерно четырем годам, США — около семи лет, а во-вторых, среднетипичного временного интервала между браками. В Европе для мужчин сейчас он в среднем равен 3–5 годам, а для женщин 5–7 годам. Но эти данные, очевидно, завышены, ибо не учитывают неофициальную «свободную» брачность.

Однако далеко не все прекратившие свое состояние в браке, вступают в новый брак. К тому же, и вступив в брак, определенная часть супругов остается бездетными. Как мы уже отмечали, весьма популярна и внебрачная рождаемость. Во всех перечисленных ситуациях формируется специфическая, так называемая, «неполная семья», то есть семья, лишенная одного из семьеобразующих оснований — брака или родительства, и если еще в 70-х годах XX века неполные семьи составляли 7–10% от общего числа, то на рубеже XXI века их удельный вес колеблется на уровне 30–40% и они представляют теперь уже не маргинальную периферию семьи, а одну из ее вполне нормативных форм.

Но кроме столь функциональных перемен в гендерных устоях брачно-семейной жизни, нельзя не замечать, и это во-вторых, столь же глубоких перемен в ролестатусных характеристиках самой супружеской пары — жены и мужа наших дней.

Начнем с «новой жены», что в ней реально нового? Прежде всего — ее принципиальная ориентированность на малодетность или даже бездетность. Впечатляющие в этой связи данные были получены в ходе российской

микрорепериси населения 1994 года: бездетными оказались 17% россиянок в возрасте старше 18 лет, 24% россиянок репродуктивного возраста сообщили о своем принципиальном нежелании заводить детей, 41% — о наличии или готовности обрести одного ребенка, 31% — двух, 3% — даже трех и более детей. В исследованиях Т. А. Гурко⁸ конца 90-х годов жительницам Санкт-Петербурга и Тулы задавался, в частности, вопрос: «Должна ли каждая женщина стать матерью?» Утвердительно ответили в Санкт-Петербурге 27% и в Туле 33% опрошенных. Оценивая вполне аналогичные настроения западных дам, известный американский футуролог А. Тоффлер приходит к выводу: если индустриальное общество сделало типичной малодетную семью, то идущее ему на смену постиндустриальное общество все явственнее тяготеет к семье вообще бездетной⁹.

Но, может быть, социально еще более значима другая, активно формирующаяся в последней трети XX века тенденция: все более отчетливо выраженное снижение, а в достаточно массовых случаях и прямая деградация социализационных качеств женщины-матери. В своих крайних выражениях это уже привело к становлению качественно нового явления наших дней — социального (т. е. при живых родителях) сиротства детей, многократно превышающего сегодня, в частности в нашей стране, по своим масштабам сиротство физическое. В его основе — становящиеся привычными и достаточно массовыми официальными отказы матерей от детей, семейное безразличие к ним, распространенное и очень разнообразное физическое насилие над ними, вплоть, что не редкость — до сознательного убийства детей. Но и в семьях вполне благополучных в силу высокой включенности женщины-мамы в общественно-организованный труд (в конце 90-х годов продолжали трудиться при наличии детей до 3 лет 53% американских матерей и 85% — в странах Скандинавии) психологами повсеместно отмечается рост специфических явлений «материнской депривации» — негативных для психики малыша последствий недостаточности, неполноты материнского внимания и, более того, прямой отчужденности.

Типичные для «двух карьерной» семьи нервные перегрузки, физическая усталость, повышенная раздражаемость в быту порождают еще один новый и пока малоизученный феномен современной внутрисемейной жизни: быстро растущую по своим масштабам и содержательному многообразию женскую агрессивность в отношении мужа (что, естественно, никаким образом не отменяет и тем более не извиняет привычное для многих семей мужское насилие). По данным британской статистики, учитывающей соответствующие обращения мужей в медицинские и правовые учреждения, за 90-е годы агрессивность жен и сожительниц возросла вдвое. Почти каждый пятый семейный мужчина — 18% — оказался больше или меньше побитым женой. И каждый десятый мужчина убит на бытовой почве опять-таки женой. Статистика США так же свидетельствует: среднестатистическая жена поднимает руку на среднестатистического мужа 10 раз в году, т. е. почти ежемесячно. А в семьях молодоженов (в браке до полутора лет) время от времени рукоприкладствуют 36% жен. Не удивительно, что, например, в Великобритании родилась общенациональная служба поддержки физически пострадавших мужчин — «Merton Male», а также открыты, как и, например, в Германии, специальные центры психофизической реабилитации мужей.

Если есть «новая» жена, то должен быть и «новый» муж. И таковой, действительно, в своих основных чертах уже сформировался. Его главное и качественное отличие от мужа «старого» — в утрате функции единственного добытчика и, соответственно, кормильца семьи. Отсюда, как выше уже отмечалось, и нарастающая утрата былого статуса «главы семьи». В условиях высокой разводимости и становления серийного брака возникает острейшая проблема взаимоотношений физического и социального (сводного) отцовства, именно отцовства, а не отцов. В середине 90-х годов в сводных семьях США жило около 10 миллионов детей, т.е. 15% от общего числа. Проблема усложняется, если сводные папы время от времени меняются («серийная моногамия»), а также если мы примем во внимание наличие, кроме физических, теперь еще и сводных прародителей, то сколько дедушек и бабушек у ребенка из такой сводной семьи?

Известная китайская поговорка гласит: не дай бог жить во времена больших перемен. Но поскольку жить все-таки приходится, мы обнаруживаем, что институты брака и семьи в ходе этих перемен не деградируют, не умирают, наоборот, они демонстрируют удивительную пластичность, адаптивность и стойкость, позволяющую им сохранять свою общественную значимость и в условиях взаимодействия столь кардинально изменившихся полов.

Примечания

¹ «...Исследования показали, что россияне теряют девственность в среднем в 18 лет. Американцы начинают половую жизнь в 16, немцы в 16,6, а жители Великобритании — в 17 лет» (Аргументы и факты. 2002. № 17. С. 15).

² 43% россиянок, вступивших в брак в 1995 году в возрасте 25–29 лет, уже имели брачный опыт. В возрастной группе 30–44 года таковых было 72% (см.: Семья в России: Стат. сб. М., 1996. С. 77).

³ Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе. Ч. 2. Иваново, 2002. С. 122–123.

⁴ Например, в России: 1960 г. — 1499 тыс., 1990 г. — 1320 тыс., 1998 г. — 849 тыс.

⁵ «Сейчас люди женятся и выходят замуж позже, чем когда-либо в нашем веке. В 1994 году средний возраст женщины, впервые вступивший в брак, равняется 24,5 годам (1970: 20,6 года), а средний возраст впервые женившихся мужчин — 36,7 года (1970: 22,5 года), что является самым высоким возрастным показателем за весь XX век» (Келли Г. Ф. Основы современной сексологии. СПб., 2000. С. 265).

⁶ Любопытны и социальные аспекты этой инициативности. Исследования в России и США обнаруживают примечательные зависимости: с ростом образования растет разводимость, инициируемая женщинами, но падает, инициируемая мужчинами. Аналогично выглядит и ситуация с ростом доходов супругов (см.: Семья на пороге третьего тысячелетия. М., 1995. С. 77–78).

⁷ На рубеже 90-х годов в США вне официального брака в возрасте до 25 лет сожительствовало 38% женщин и 25% мужчин, в возрасте 25–34 лет, соответственно, 36 и 41%, в возрасте 35–64 лет — 20% женщин и 28% мужчин (см.: *Мастерс У. и др.* Основы сексологии. М., 1998. С. 243).

⁸ Социс. 2000. № 11. С. 92.

⁹ *Тоффлер А.* Футуршок. СПб., 1999. С. 190.